

Работая над пьесами, мне часто приходится сталкиваться с различными ситуациями, связанными с взаимоотношениями людей в семье. Именно там и закладываются основы поведения человека в дальнейшей его жизни: правильно ли, верно ли будет он действовать, согласно нормам человеческого общежития, легче ли ему самому будет жить на земле? Может быть, оттого, что сам я очень любил семью, в которой рос, у меня не только об отце, матери, брате, но и о двоюродных братьях, сестре, и о дядюшке, и о тетюшке, которые жили в одной квартире с нами, самые добрые, самые сердечные воспоминания. Эту любовь к семье я несу через всю жизнь. И, может быть, от этого и придаю столь большое значение воспитанию в семье. Я знаю, что нас воспитывает и вся окружающая жизнь, но семья для меня — воспитатель особый.

Мне кажется, что, едва появившись на свет, ребенок уже оснащен какими-то навигационными приборами, как корабль, который отправляется в плавание. Именно эти приборы позволяют кораблю легче достичь цели, не сбиться, не потонуть, не уходить в сторону, подсказывают, как избежать подводных скал, мели. Я имею в виду такие «приборы», как честь, совесть, отзывчивость, сострадание, внимание к человеку, что рядом с тобой, забота об общих делах и так далее. Знаете, мне кажется, что эти качества, если они сохраняются в человеке, верно ведут его по всей жизни.

Каждый, вероятно, задавал себе вопрос: что же такое счастье? В конце концов человечество решает вопрос этот на протяжении всего своего существования. И если в какой-то степени научились решать его в плане внешнего, окружающего нас мира, то ведь это лишь одна сторона дела. Чтобы решить вопрос человеческого счастья, необходимо заглянуть и внутрь себя.

Вот вспоминаю я свою жизнь... Очень бедно жил я, очень бедно. Особенно когда приехал в Москву учиться. Я снимал крошечный уголок в бывшей келье монастыря, в очень маленькой, и жила там древняя старушка, и я, студент, должен был не только добывать себе на пропитание, но и кормить эту старушку, ухаживать за ней — она не могла ходить. И вот при всем этом, поверьте мне, я был очень счастливым.

Не знаю, в чем тут дело. Но внутри меня самого все время была какая-то дивная мелодия. Что-то пело во мне. И вот я просыпался в этой мрачной комнате, наскоро выпив чаю, бежал в театральную школу, где учился, и мне все было интересно. Мне были интересны дома на улице, люди, идущие навстречу. А о самом процессе учения я уж и не говорю.

И вот теперь — живу я очень хорошо, в прекрасной квартире, да и недостатка материального не чувствую. Ну, а когда же я был более счастлив — тогда или сейчас? Затрудняюсь ответить. Правда, вы можете сказать, что то была юность, возраст, когда вообще все внутри цветет. Но, согласитесь, ведь не все же молодые люди испытывают такое состояние.

Например, меня удивляет и даже неприятно поражает, когда современный молодой человек страдает из-за того, что нужен ему именно такой-то костюм, девочке нужны именно такие-то туфли, без них и жизнь не в жизнь. Мне это непонятно. Однажды на страницах журнала «Юность» я отвечал американскому писателю Митчелу Уилсону по поводу его статьи и, между прочим, упомянул, что в молодости я жил в бедности, ходил в плохих одедах, но это никак не отражалось на моем счастливом настроении. Статью прочитал один директор школы. Он потом удивлялся: «Как вы так могли написать? Вот я, помню, когда в шестом классе ходил с заплатами на штанах, то сгорал от стыда».

Смотрите, мальчик в шестом классе страдает от того, что у него заплата на штанах! Есть в этом «страдании» какая-то испорченность ребенка, безнравственность. Известна русская поговорка: «И в рубище почтенна добродетель».

Никогда не забуду, как, приехав в родную Кострому уже автором первой пьесы и человеком обеспеченным, я зачем-то должен был выйти на улицу. Шел дождь. Я никак не мог найти своего плаща, и моя тетюшка сказала: «Виктор, да надень вон тот...» Это был рыбацкий, потрепанный ветрами и волжскими волнами старый брезентовый плащ моего дядюшки. Я ответил: «Неловко, очень он старый». Тетюшка посмотрела на меня недоуменно и тихо сказала: «Виктор, ты меняешься». Это было более двадцати лет назад. А я помню и по сию пору.

НАШИ * НРАВСТВЕННЫЕ * ЦЕННОСТИ

Неделя №38 20/IX 1973г.

ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ВОПРОС материального недостатка и материального благополучия — не простой вопрос. Недавно я выступал на эту тему по радио в передаче серии «Человек среди людей». Так вот, на мое выступление пришло более 250 писем. Вопрос оказался, видимо, животрепещущим, важным... Когда-нибудь я хотел бы поговорить о нем шире, потому что наглядился на самые различные ситуации. И вот к какому я пришел выводу: есть два сорта, два вида, два рода, назовите как угодно, испытания для человека: испытание на бедность и испытание на сытость. Со дня своего появления на земле человечество проходило испытание на бедность. Нужна была одежда, крыша над головой, нужна была пища, и вся жизнь первобытного человека уходила на добывание этой пищи, на устройство жилья... И это на протяжении веков. И люди, если можно так выразиться, привыкли к испытанию на бедность. Создали исходя из этого свою мораль, правила, порядки и даже религию. Бросить кусок хлеба — грех!

Но постепенно перед человечеством стало возникать испытание на сытость. Хлебом начали разбрасываться. Определенные круги общества в разные исторические формации не выдерживали испытани-

я на эту самую сытость. В нем гибли Ассирия и Вавилон, Египет и Рим. Современные хиппи — молодежь, ушедшая из вполне обеспеченных семей, — в сытости не нашли счастья. Чего же они хотят? Неизвестно. Блуждают. Часто зовут на помощь наркотик, стремясь уйти от реальности. Это тоже результат испытания на сытость. Не выдерживают они этого испытания.

Но вернемся к нашей жизни. Разве мы не замечаем: и квартир строится много, и заработная плата повышается. Приносит ли это непосредственно, сразу то самое счастье, о котором мы мечтаем? Не становимся ли мы при этом рабами вещей?

Лет двадцать назад я написал пьесу «В поисках радости». Дело происходит в семье. Мать, четверо детей и невестка. Если кто помнит, именно жена сына занимается приобщением, загромождаем комнату диванами, кроватями,

столами: семья должна получить новую квартиру, так вот надо готовиться к переезду. В результате людям негде жить, одни вещи. И тогда 15-летний мальчик из-за того, что эта женщина в порыве злобы выбросила за окно его аквариум с рыбками, в ярости начинает отцовской саблей рубить всю эту «проклятую» мебель, которая мешает жить людям. Правильно он делает, что рубит, неправильно — это уже другой вопрос. Но здесь важен факт взрыва против нещадства, поглощающего душу человека.

Известно, что монета имеет две стороны. И если можно так фигурально выразиться, на одной нарисован ангел, на другой — черт. Да мы и сами знаем: иной получит денежную премию, и что он с ней сделает? Пойдет напиться. Ну, не один, с друзьями. Вот и вся радость для человека! Ничтожно, убого! А другой на эти деньги, может быть, купит грампластинки, магнитофонную ленту, или книги, или цветы... Я бы всегда подчеркивал, что материальный достаток — тоже испытание.

СВОЙ разговор я начал с приборов, которые ведут человека по жизни. И теперь хочу сказать о приборе, чрезвычайно важном, — о человеческой совести.

Что ни говорите, а ломает мы часто этот прибор! Скажем, молодой человек впервые в жизни солгал... Ведь мы лжем тогда, когда это нам выгодно, когда от чего-то защищаемся, от чего-то прячемся, что-то приобретаем путем лжи. Солгал первый раз, человек, как правило, мучается, мучается, что солгал. Ведь прибор его показывал, что лгать не надо, а он насильно его ломал. И вот когда он ломал внутри себя этот прибор, ему было больно. Он, может, целую ночь не спал, думал: «Ой, как нехорошо. Уж, конечно, это я солгал единственный и последний раз».

И, знаете, то, что человеку в это время было нехорошо — вот это очень хорошо! Но человек взял и оступился второй раз. И снова — с выгодой для себя, для прошлых обстоятельств он солгал.

Тогда было неприятно, тоже нехорошо.

И в третий раз солгал! И подумал: «Ой, опять я...» Но тут же и забыл, что его что-то мучило. А когда в четвертый раз солгал, ничего его уже и не мучило, ничего он не заметил. И солгал он внутри себя чрезвычайно важный прибор, который ему звонил, кричал: «Что ты делаешь!»

И мы уж о таком человеке, который не морщится в подобных случаях, говорим: «Этот человек бессовестный, лживый». Вы, наверное, видели таких людей: слушаешь его, знаешь, что он говорит неправду, удивляешься тому, что на лице его ничего и не отражается. Он мило улыбается, как будто говорит правду. Такой человек, конечно, опасен во взаимоотношениях с людьми, очень опасен.

Вот меня в последнее время занимает вопрос: откуда так много в людях раздвоения? Придешь в магазин, продавец тебе ответит грубо, или кто-то надерзит в метро, в трамвае. Ни с того ни с сего. Стараешься держаться, как говорится, тише воды, ниже травы. И все равно дерзят! Вот, скажем, мне приходится звонить в другие города. Как часто телефонистки отвечают тебе каким-то, простите, собачьим лаем. Отчего? Аллах ведает. Будто ты их давний и главный враг. И, может быть, это милые молодые девушки. Один раз телефонистка тебе ответит грубо, второй... И вдруг сам начинаешь вибрировать, нервы твои буквально ходят ходуном. И сам уже готов огрызнуться... А это — последнее дело, потому что я замечал: если ты сам начинаешь огрызаться, то превращаешься точно в такого же назлентризованного, злого чело-

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ

вена. Если берешь в борьбе в руни кри-
вое оружие «противника», то и сам ста-
новишься кривим.

Понимаете, даже когда мы начинаем бороться за справедливость, то в этой борьбе за справедливость не надо терять себя... Если ты изменишь себе, если превратишься во время этой борьбы в члестека злобного, то уж и не нужна была твоя борьба — ведь ты так ничего и не выиграл!

В самую середину души запала мне фраза Рабиндраната Тагора о том, что если ты будешь бросать камнем в наждающую на тебя собаку, ты никогда не дойдешь до цели.

И ЕЩЕ беспокоит меня один вопрос человеческого взаимоотношений. Нередко видишь: отец или мать так заняты работой, что для семьи времени не остается. И вроде человек-то делает большое дело, а вот семья заброшена. Бывает и так: человек на работе целый день что-то делает — для страны, для всего человечества, а для своего-то ближнего, для детей, для жены, для отца, для матери старых не делает, в общем, ничего. Это ужасно.

Я сейчас пишу пьесу на эту тему. Она будет называться «Глухарь». Вот человек на работе горит, шумит, целый день произносит высокие слова. Приходит домой, очень довольный, очень энергичный. Требуется обед или ужин. Жена говорит ему: «Знаешь, у Васеньки в школе дела неважные. Вчера пришел после уроков...» А он, Глухарь: «Оставьте вы меня со своим Васенькой, Манечкой, Катенькой, погрозил вы все в какой-то мелочи, не мыслите крупно, масштабно. Вот сегодня на собрании, на совещании мы обсуждали мировые проблемы — вот это жизнь! Вот это!» Поел, хлопнул дверью... Только его и видели, токует на току и ничего не замечает.

А ведь жизнь-то человеческая состоит не только из собраний, заседаний, совещаний. Жизнь состоит и из ежедневных мелочей. Достоевский верно писал в «Дневнике писателя», что есть две формы героизма: героизм мгновенный, эффектный, а есть героизм ежедневной жизни, трудовой, будничной. Сходить в магазин, вымыть пол, сварить обед, заштопать белье... И как далее... Так и живут многие в том числе матери, которые, может, и не работают, но у них дети, у них внуки, у них еще старые люди на руках — вот такой героизм я ценю чрезвычайно высоко.

Мгновенный героизм тоже хорошо, слава ему, песню споем! Но он требует от человека лишь единичного огромного напряжения. Ежедневный же — это подвиг всей жизни, перед ним преклоняюсь особенно.

Вот почему хочется мне сказать людям самых разных возрастов — и бабушкам, и дедушкам, и отцам, и матерям, и детям, всем, кто живет семейно: самое главное — это доставлять друг другу по мере возможности, сил, желания, умения побольше радости. Потому что выпустить друг в друга электрические заряды — дело нехитрое. Это та несдержанность, которая получилась в результате того, что сломан простой прибор элементарной выдержки. А выдержки — это как тормоз. Отказала — и уже идешь не туда, куда надо, а куда несет. Добра не жди.

И вот во время удерянного себя, крепко схватить поводья, натянуть их в нужный момент — великое дело. Я люблю повторять фразу: «Каждый сам себе заведующий». Каждый выстраивает себя таким, каким бы он хотел быть.

Я не преувеличиваю, когда подчеркиваю роль моральных качеств. Величайший ученый нашей эпохи Эйнштейн говорил, что моральные качества выдающейся личности имеют возможно большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения. Последнее зависит от величия характера в значительно большей степени, чем это обычно принято считать.

Это говорит ученый, который, казалось бы, должен утверждать: главное — только наука, только мысль! И вдруг он пишет, что моральные качества выдающейся личности могут играть большую роль, чем умственные...

И знаете, это правильно. Опять вернусь к вопросу о счастье. Это и есть счастье, когда человек морально, внутренне, духовно находится в равновесии, когда все его «приборы», с которыми он отправился в плавание, работают верно. Тогда не страшны ему разные жизненные обстоятельства.

Однажды я для себя даже придумал такую формулу: когда хорошая погода, личность особенно и не проявляется. А вот когда гремит гром, сверкают молнии, вот тут и смотришь, как ведет себя человек под ветром, в бури, как он выстаивает.

Поиски счастья во внешнем мире — это одно. Но если весь твой внутренний мир спутан, искорван, неверно переориентирован в поисках истинных ценностей, счастье твое будет коротким, даже и тогда, когда ты достигнешь желаемого.

Рисунок А. Борисова.